

КАТОРЖНИКИ ОРЕНБУРГСКОЙ ГУБЕРНИИ (1919): ОПЫТ ПРОСОПОГРАФИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Проблема репрессивной политики и практики эпохи Гражданской войны в России 1917–1922 гг. многообразна. Если говорить о карательной деятельности антибольшевистских режимов, то на подконтрольных им территориях сохранялись дореволюционные формы наказаний, в том числе отправка в каторжные работы. Такая мера широко практиковалась и антибольшевистскими силами на Южном Урале. В условиях Гражданской войны ее распространили и на политические преступления. Сурово наказывались, когда это было возможно, и служебные преступления военнослужащих.

Обнаружение уникального дела с анкетами каторжников Оренбургской губернии, содержащихся в Челябинской тюрьме и подлежащих в связи с приближением к городу линии фронта эвакуации в Александровскую центральную каторжную тюрьму¹, позволило сформировать базу данных об этих лицах. Данные о каторжниках губернии неполны, тем более что на конец мая — начало июня 1919 г. (этим периодом датированы анкеты) часть губернии, в том числе Оренбург, находилась в руках красных. Тем не менее на основе базы данных можно реконструировать коллективный портрет этой группы лиц, а также проанализировать один из аспектов репрессивной практики белых, а именно приговоры к каторжным работам.

Всего в деле содержатся анкеты 72 каторжников мужского пола. По социальному происхождению 48 человек были выходцами из крестьян, 8 — из австрийских подданных (поляки), 7 — из мещан, 6 — из казаков, 2 — из граждан, один являлся германским подданным. По вероисповеданию: 50 человек — православные, 16 — католики, 4 — баптисты, по одному приверженцу ислама и иудаизма. Анализ по графе «вероисповедание» позволил выявить любопытную закономерность. Как выяснилось, лидеры подполья в Кустанайском уезде — П. Я. Булычев, Н. Т. Воротиленко, П. А. Лобарев и А. Е. Таран — являлись баптистами². Все они происходили из поселка Львовского.

География мест проживания каторжников достаточно обширна. В основном, что вполне естественно, они происходили из Оренбургской губернии и соседних с ней регионов. В числе приговоренных к каторге были: выходцы из Челябинского (11 человек), Верхнеуральского (2), Троицкого (1), Актюбинского (2) уездов, из Кустанайского уезда Тургайской области (14), Шадринского уезда Пермской губернии (4), Бирского уезда Уфимской губернии (1); из Орска (4), Челябинска (2), Верхнеуральска (1); из Златоуста и Златоустовского уезда Уфимской губернии (2). Немало было поляков, перебравшихся на Южный Урал из районов компактного проживания: по одному человеку происходило из Варшавы, Львова, Кракова, Санока, Тарнова, из Августовского уезда Сувалковской губернии, из Люблинской, Плоцкой, Холмской губерний. Почти все они были этническими поляками. Откуда происходили пять военнопленных поляков, неизвестно. Представлены были и другие регионы и населенные пункты: Владимирская, Вологодская, Вятская, Калужская, Курская, Могилевская, Пензенская, Смоленская, Томская губернии, а также город Рига.

Возрастное распределение каторжников следующее: в возрасте 18–21 года находились 14 человек, 22–25 лет — 13, 26–30 лет — 22, 31–35 лет — 9, 36–40 лет — 6,

41–50 лет — 4, 55–56 лет — 2 человека. Неизвестен возраст двоих. Таким образом, каторжники были сравнительно молодыми людьми (не менее 68 % в возрасте до 30 лет), а старше 40 лет среди них были единицы. Впрочем, здесь могут быть и неточности, поскольку не всегда в анкетах обозначена дата рождения. В ряде случаев указывался возраст каторжника без пояснений, на какой период.

Распределение по роду занятий отражает специфику занятости населения в то время: 29 человек занимались земледелием, по семь человек работали чернорабочими или служили на железной дороге, пятеро были слесарями, по два человека до ареста работали письмоводителями или помощниками шофера (причем оба — католитики из Двинского уезда Витебской губернии), были также агент фирмы «Зингер», почтово-телеграфный чиновник, приказчик, каменщик, кузнец, маляр, кожевник, портной, плотник и слесарь, техник, химик, конторщик, пимокат, парикмахер, мясник. У пятерых род занятий в анкете не указан. В некоторых случаях прослеживается связь между происхождением и профессией. В частности, нередко представителями квалифицированных профессий (конторщик, приказчик, химик, помощники шофера) являлись этнические поляки.

О семейном положении каторжников говорят следующие данные: 30 человек были холосты, 40 — женаты; 11 женатых не имели детей, у 4 был один ребенок, у 10 человек — двое детей, у 5 — трое, по четыре человека имели 4 и 5 детей, по одному человеку имели 6 и 8 детей. Семейное положение двух человек неизвестно.

Наиболее интересны сведения о составе преступлений и органе, осудившем того или иного человека. Преступления, исходя из их характера, можно условно разделить на три группы (разумеется, белым правосудием все они карались как уголовные): политические, служебные (дисциплинарные) и уголовные. Шесть человек совершили преступления еще до революции. Речь шла о нанесении смертельных ран и убийствах. Некоторых освободили по амнистии в 1917 г., но позднее, уже в Гражданскую войну, они вновь были водворены в тюрьму. Самое раннее преступление было совершено еще 16 мая 1914 г., когда крестьянин К. Д. Быков совершил разбойное нападение с целью ограбления почты, сопровождавшееся убийством ямщика, везшего корреспонденцию³. За это преступление Быков был осужден в 1915 г. на шесть лет и восемь месяцев каторжных работ, 26 марта 1917 г. освобожден по амнистии, но 19 ноября 1918 г. вновь попал в тюрьму (за это же преступление) и вышел на свободу 10 октября 1919 г. после отбытия срока наказания. Схожим образом поступили с И. М. Ладыгиным, совершившим убийство в июне 1914 г. и получившим за это десять лет каторги. В марте 1917 г. его амнистировали, а в ноябре 1918 г. вновь взяли под стражу⁴. Отбывали наказание и заключенные с дореволюционным стажем по групповым делам. Так, Троицким окружным судом были осуждены три крестьянина Челябинского уезда за нанесение 29 мая 1917 г. смертельной раны пострадавшему. Каждый получил по три года каторжных работ⁵.

Трех человек за принадлежность к Красной армии военно-полевой суд Орского гарнизона в январе 1919 г. приговорил к четырем, восьми и десяти годам каторги с лишением «всех прав состояния»⁶. За сотрудничество с большевиками тот же суд устанавливал наказание в виде шести лет каторжных работ⁷.

Среди формулировок обвинений за политические преступления фигурируют и довольно «экзотические». Например, военно-полевой суд Орского гарнизона приговорил А. П. Жемчужникова к 12 годам каторжных работ и лишению всех прав состояния «за вооруженное участие в сопротивлении Временному правительству без явного насилия как служившего в портняжной мастерской»⁸. По всей видимости, речь шла о службе обвиняемого в Красной армии.

В некоторых случаях людей, очевидно, судили за участие в работе большевистских подпольных организаций. Так, М. В. Слабженников 3 марта 1919 г. был признан военно-полевым судом при штабе Западной армии виновным в качестве зачинщика в том, что, состоя в подпольной организации большевиков, именуемой кассой взаимопомощи стрелочников, поставил вместе с другими своей целью ниспровержение существующего государственного строя путем открытого вооруженного восстания и в том, что оказывал материальную помощь семьям арестованных большевиков и красноармейцев. Наказание за это полагалось максимальное — смертная казнь

через повешение, однако по резолюции командующего Западной армией генерала М. В. Ханжина она была заменена на бессрочные каторжные работы⁹. Судя по анкетам, к каторжным работам были приговорены десять человек: двое (парикмахер Н. И. Пожидаев и слесарь М. В. Слабженников) — к смертной казни через повешение (по резолюции командующего армией заменена на бессрочную каторгу), остальные — к 20 годам каторжных работ с лишением всех прав состояния¹⁰.

Шестеро обвиняемых служили на железной дороге. Большевик С. А. (в анкете — С. Р.) Мицегендлер (отец советского инженера, лауреата Государственной премии СССР И. С. Мицегендлера) ранее проходил по делу о службе в РККА, а М. В. Слабженников в 1914 г. — по делу о подделке монет, но был оправдан. Действительно, в феврале 1919 г. контрразведка Западной армии благодаря провокаторам раскрыла две подпольные группы стрелочников и рабочих железнодорожных мастерских на станции Челябинск. Подпольщики вели агитацию, устраивали диверсии, готовили оружие для вооруженного восстания. По имеющимся данным, всего арестовали 13 человек. Четверых из них приговорили к смертной казни через повешение, однако по решению генерала М. В. Ханжина ее заменили на бессрочные каторжные работы¹¹. В выявленном нами деле обнаружено только десять анкет фигурантов этого процесса.

Пять человек обвинялись в насильственном посягательстве на изменение государственного строя по сговору с другими лицами, в приобретении значительного количества оружия. При этом отмечалось, что каждый из обвиняемых не успел привести задуманное в исполнение по независящим от него обстоятельствам. Тем не менее 28 декабря 1918 г. военно-полевой суд в Челябинске приговорил всех пятерых к пятнадцати годам каторжных работ с лишением прав состояния¹². Три человека также обвинялись в том, что состояли в сообществе, организованном для насильственного посягательства на изменение существовавшего в России образа правления. Тюменский военно-окружной суд приговорил их 8 февраля 1919 г. к четырем (двоим) и шести годам каторжных работ¹³.

К значительным срокам — от 12 до 20 лет каторжных работ с лишением всех прав состояния — прифронтовой военно-полевой суд, утвержденный начальником гарнизона Троицка, приговорил 1 апреля 1919 г. сразу 12 участников подполья в Кустанайском уезде, обвинявшихся в тайной вооруженной организации в тыловом районе и воспрепятствовании приведению в исполнение приказа законных властей¹⁴. Один из них, Н. Т. Воротиленко, был признан главарем и подстрекателем к вооруженному восстанию¹⁵. Как уже отмечалось, четверо приговоренных являлись баптистами. Как бы то ни было, о смертных приговорах речь не шла.

Сразу семь стрелков 3-й роты 1-го польского им. Т. Костюшко стрелкового полка были приговорены 19 декабря 1918 г. военно-полевым судом польских войск к лишению воинских званий и различным срокам каторжных работ. Вина их заключалась в измене и попытке предать противнику польский отряд, а также в побеге к противнику¹⁶. Пять из семи осужденных были военнопленными Первой мировой войны. Военно-полевой суд при 1-м польском полку 1 декабря 1918 г. приговорил еще одного стрелка к трем годам каторжных работ и лишению всех прав состояния за неисполнение приказа начальника идти в караул и за то, что, разговаривая с начальником, стрелок стоял перед ним в неподобающей позе, заложив руки за спину¹⁷. Военно-полевой суд при польском отряде 14 марта 1919 г. приговорил трех стрелков за отказ исполнять приказание командира роты рыть могилу для стрелка и подстрекательство других к неисполнению этого приказа к двум годам каторжных работ¹⁸. К расстрелу с заменой его 20 годами каторжных работ 23 ноября 1918 г. был приговорен фельдфебель, который обвинялся за открытый бунт в 1-м польском полку во время произнесения речи делегата Польского военного комитета и призыв солдат к массовому выступлению против офицеров полка¹⁹. Из документов следует, что антивоенные настроения и непорядки с дисциплиной в польских формированиях (прежде всего в 1-м польском стрелковом полку) были достаточно сильны.

За поднятие оружия на начальника три казака станицы Каратабановской были приговорены 20 декабря 1918 г. военным судом Западного фронта русских войск к 15 годам каторжных работ²⁰. Причем один из осужденных дополнительно обвинял-

ся в причинении начальнику побоев во время исполнения служебных обязанностей. 11 февраля 1919 г. военно-полевым судом при штабе Оренбургского военного округа за подстрекательство к бунту в полку к пяти годам каторжных работ был приговорен И. Жунабаев²¹. Будучи направлен в Александровскую центральную каторжную тюрьму, он в ней и скончался 2 ноября 1919 г.

9 апреля 1919 г. военно-полевой суд при Яицком отряде приговорил М. К. Соколова за неисполнение приказа младшего офицера команды к шести годам каторжных работ с лишением всех прав состояния²². За такое же преступление военный суд Западного фронта русских войск давал четыре года работ²³. Аналогичное наказание полагалось за оскорбление словами взводного командира и неисполнение его приказаний²⁴. За дерзкое обращение к офицеру и неисполнение его приказаний 6 апреля 1919 г. военно-полевой суд при штабе Западной армии приговорил И. Т. Швалова (Швалова) к 20 годам каторжных работ с лишением всех прав состояния²⁵. Дерзкий ответ командиру батальона в строю мог повлечь наказание в виде восьми лет каторжных работ с лишением всех прав состояния²⁶.

Четыре стрелка решением военного суда Западного фронта русских войск в Челябинске 30 декабря 1918 г. получили по четыре года каторжных работ каждый за то, что 9 ноября 1918 г. в Камышлове, состоя на службе в 5-м стрелковом полку, с целью уклониться от службы по предварительному соглашению с другими отлучились из полка домой и пробыли в отлучке до 18 ноября 1918 г., когда их арестовала милиция, после чего стрелков препроводили в полк²⁷. За дезертирство и подлог также можно было получить четыре года каторжных работ с лишением всех прав состояния²⁸.

19 ноября 1918 г. временным военно-полевым судом при 16-м Карагайском атамана Дутова полку за дерзкое оскорбление начальника действием два казака станицы Наследницкой Оренбургского казачьего войска были приговорены к пяти и шести годам каторжных работ с лишением всех прав состояния²⁹.

Один человек был осужден военно-полевым судом Орского гарнизона на четыре года каторжных работ за вооруженный грабеж³⁰. Один человек приговорен 22 января 1919 г. Троицким окружным судом за ограбление (причем пострадавший был оставлен на морозе босиком и без верхней одежды и умер впоследствии из-за обморожения ног) к двум годам и восьми месяцам каторжных работ³¹. Столь легкое наказание за грабеж и непреднамеренное убийство резко контрастирует с внушительными сроками наказания за политические преступления и служебные проступки.

В общей сложности 35 каторжников можно отнести к осужденным по политическим мотивам, 28 — к осужденным за служебные (дисциплинарные) преступления (впрочем, грань между категориями достаточно тонкая: бунт в полку может трактоваться и как политическое, и как служебное преступление) и 8 — за уголовные. Неизвестен состав преступления только одного человека — крестьянина Калужской губернии П. С. Болдычева, который 29 марта 1919 г. был приговорен военно-полевым судом при штабе Западной армии к бессрочной каторге (умер по пути в Александровскую центральную каторжную тюрьму 29 июля 1919 г.)³². Судя по всему, речь шла не об уголовном преступлении.

Обращает на себя внимание широкое разнообразие судебных органов: 14 человек были осуждены военно-полевым судом Западной армии в Челябинске, 12 — прифронтовым военно-полевым судом, утвержденным начальником гарнизона Троицка, 9 — военным судом Западного фронта русских войск в Челябинске, 8 — военно-полевым судом польских войск, 7 — Троицким окружным судом, 6 — военно-полевым судом Орского гарнизона, 5 — военно-полевым судом в Челябинске, по 3 — Тюменским военно-окружным судом и военно-полевым судом при польском отряде, по одному — военно-полевым судом при 1-м польском полку, военно-полевым судом при штабе Оренбургского военного округа, военно-полевым судом при Яицком отряде и временным военно-полевым судом при 16-м Карагайском атамана Дутова полку.

Что касается сроков наказания, то 17 человек были приговорены к 4 годам каторжных работ, 11 человек — к 20, 10 человек — к 15, 9 — к 12, по 4 — к бессрочной каторге, к 6, 3 и 2 годам, 3 человека — к 10, по 2 человека — к 8 и 5 годам, по одному — к 6 годам и 8 месяцам и к 2 годам и 8 месяцам. Троим приговоренным каторжными работами заменили смертную казнь.

Анализ анкет каторжников Оренбургской губернии позволяет сделать ряд выводов. Судя по составленному коллективному портрету каторжников, это были в основном молодые люди. В большинстве своем крестьяне православного вероисповедания, хотя ощутимым был процент поляков-католиков (22,2 %, судя по изученным анкетам). Несмотря на сравнительно молодой возраст, большинство имели семьи. Разброс регионов, из которых происходили эти люди, достаточно большой. Можно говорить о том, что наиболее широко представлены выходцы из мест компактного проживания поляков и выходцы из Оренбургской губернии и соседних регионов. В обычной жизни будущие каторжники занимались сельским хозяйством, трудились в качестве рабочих и служащих. Большинство было осуждено по политическим причинам и за служебные (дисциплинарные) преступления. Уголовные преступления встречаются в анкетах достаточно редко. Причем большинство уголовников среди анкетированных отбывали наказание в Гражданскую войну еще с дореволюционных времен.

В отношении особенностей репрессивной практики обращает на себя внимание отсутствие у белых в прифронтовой полосе на территории губернии стройной системы судебных органов: приговоры выносили до десяти (если принимать во внимание территорию губернии) различных судов (причем в одном только Челябинске — три, в Троицке — два), включая военно-полевые суды при воинских частях. Это свидетельствует об определенной нестабильности состояния правоохранительных органов белых.

Что касается сроков приговоров, то 37 человек были приговорены к 10 годам каторги и выше (вплоть до бессрочной), 35 человек получили наказание в виде каторжных работ на срок менее 10 лет. Вместе с тем даже участие в качестве зачинщиков в деятельности подпольных большевистских организаций или открытый бунт в воинской части, судя по проанализированным анкетам, каралось каторжными работами. Во всяком случае ими были заменены три смертных приговора. При этом в условиях Гражданской войны ограбление и непреднамеренное убийство могли караться на много меньшим наказанием, чем дерзкий ответ офицеру.

Примечания

¹ ГАРФ. Ф. Р-827. Оп. 5. Д. 138.

² Там же. Л. 126–134 об., 156–158 об.

³ Там же. Л. 204–205 об.

⁴ Там же. Л. 1–2 об.

⁵ Там же. Л. 39–47 об.

⁶ Там же. Л. 9–11 об., 15–17 об., 36–38 об.

⁷ Там же. Л. 12–14 об.

⁸ Там же. Л. 117–119 об.

⁹ Там же. Л. 177–179 об.

¹⁰ Там же. Л. 174–203 об.

¹¹ Волков Е. В. Судьба колчаковского генерала. Страницы жизни М. В. Ханжина. Екатеринбург, 1999. С. 123–124.

¹² ГАРФ. Ф. Р-827. Оп. 5. Д. 138. Л. 63–77 об.

¹³ Там же. Л. 27–35 об.

¹⁴ Там же. Л. 126–161 об.

¹⁵ Там же. Л. 126–128 об.

¹⁶ Там же. Л. 78–98 об.

¹⁷ Там же. Л. 102–104 об.

¹⁸ Там же. Л. 105–113 об.

¹⁹ Там же. Л. 60–62 об.

²⁰ Там же. Л. 114–116 об., 123–125 об.

²¹ Там же. Л. 221–221 об.

²² Там же. Л. 171–173 об.

²³ Там же. Л. 6–8 об.

²⁴ Там же. Л. 99–101 об.

²⁵ Там же. Л. 168–170 об.

²⁶ Там же. Л. 165–167 об.

²⁷ ГАРФ. Ф. Р-827. Оп. 5. Д. 138. Л. 48–59 об.

²⁸ Там же. Л. 162–164 об.

²⁹ Там же. Л. 18–23 об.

³⁰ Там же. Л. 3–5 об.

³¹ Там же. Л. 24–26 об.

³² Там же. Л. 220–220 об.